

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ВОСТОКА

М. В. Рубец

КОГНИТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КИТАЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ И ЯЗЫКА*

Аннотация. Проблема происхождения атомистических представлений дискутируется в контексте межкультурных исследований. В работе проводится исследование явлений китайской культуры, связанных с языком и письменностью. Анализ основан на когнитивном подходе, развитом в работах И. П. Меркулова. На примерах китайского языка и письменности показывается, что для китайцев характерен особый тип мышления — преимущественно пространственно-образный, «правополушарный», который относят к архаическому. Приведены описания структуры и типов иероглифов, показаны примеры влияния «образности» иероглифики на культурные явления в архитектуре, в образовании, в интернет-общении и проч. Рассмотрены характерные примеры зависимости словоупотребления от характера обозначаемых этими словами перцептивных образов. Проводятся параллели с языками современных первобытных популяций. На основании рассмотренных в статье явлений, характерных для китайского языка и культуры, можно сделать вывод о склонности китайцев в целом к холистическому, конкретному взгляду на мир, которому не свойственно разложение целого на части. Этот вывод соотносится с предположением А. И. Кобзева о том, что китайцам как носителям «правополушарного» психотипа идея атомизма была чужда.

Ключевые слова: атомизм, китайский язык, китайская культура, пространственно-образное мышление, аналитическое мышление, иероглиф, фонетика, письменность, перцептивный образ, мышление.

Проблема происхождения атомистических представлений стала предметом дискуссии среди философов, культурологов и востоковедов. Атомистические учения возникают сразу в двух культурных ареалах — Греции (V–IV вв. до н.э.) и, чуть позже, в Индии (III–II вв. до н.э.). Однако, в такой не менее духовно богатой и древней культуре, как китайская, атомизма мы не находим. Понятие атома в Китае приходит из Индии, и в условиях отсутствия здесь соответствующего понятия для него «изобретается» китайский аналог. В китайских текстах можно найти различные варианты переводов индийского «атома».

Для перевода терминов «ану» и «параману» использовались главным образом иероглиф wēi 微 («тончайшее/мельчайшее») и производный от него бином jíwēi 极微 («предельно тонкое/мелкое»,

умопостижимый атом), а также chén 尘 («пыль/прах») и línxū 邻虚 («близкое к пустоте»)¹. Понятие атома до падения империи в 1911 еще связывалось в словарях традиционными терминами, например, буддийским chén mò 塵埃 («пылинка») в «Карманном русско-китайском словаре» (Пекин, 1908, с. 8); в 1920-е уже альтернативно передавалось yuánzǐ 原子 и фонетической транскрипцией ātún 阿屯 (Фань Бин-цин. «Чжэсюэ цыдянь» «Философский словарь». Шанхай, 1925, указатель западных терминов, с. 3), ясно свидетельствующей об отсутствии традиционного эквивалента, и в 1930-е уже стандартно закрепилось за yuánzǐ 原子 как компромиссным новым термином с прозрачной семантикой². (原

¹ Кобзев А. И. Китай и взаимосвязи иероглифики с континуализмом, а алфавита с атомизмом // Общество и государство в Китае: XLI научная конференция / Ин-т востоковедения РАН. М., 2011. С. 318.

² Там же. С. 324.

* Работа выполнена при поддержке РФНФ (проект № 13–03–00547 «Атомизм и мировая культура»).

уиán — *перен.* «начало» (*чего-л.*); происхождение, исходная точка; истоки, первичный, первоначальный, подлинный¹).

А. И. Кобзев написал несколько исследований, в которых он показал, что китайская культура как относящаяся к «правополушарному» психотипу строится на принципах холизма и континуализма, в противовес европейской «левополушарной» культуре, в основе которой лежит дискретность и аналитичность. Именно эти глубинные различия между двумя психотипами стали причиной столь разного понимания и описания природных процессов в науках этих цивилизаций. Тезис А. И. Кобзева о том, что китайская культура как «правополушарная» не могла породить ничего подобного теории атомизма, равно как и алфавита, в отличие от индийской и греческой — представителей «левополушарного» психотипа, которые породили и то и другое, и даже сравнивали атомы с буквами, вызывает критику со стороны исследователей разных направлений.

Однако особенности мышления и менталитета китайцев, от которых отталкивается А. И. Кобзев, становятся более очевидными при знакомстве с китайским языком, письменностью и культурой.

Любой язык несет на себе отпечаток бытовых и географических особенностей, культурных и исторических реалий. Однако столь же очевидным представляется и то, что существует и обратное влияние языка на быт, мышление и культуру народа, на нем говорящего. В Китае же связь языка и письменности с культурными и даже субкультурными явлениями, на мой взгляд, даже более тесная, чем где-либо еще. Моя попытка дать общее представление о китайском языке и некоторых явлениях китайской культуры вызвана желанием дать читателям почувствовать, насколько отличается китайский менталитет от привычного нам, и насколько неправильно и неприемлемо подходить к нему с нашими европейскими мерками.

Обратимся сначала к особенностям китайской письменности. С точки зрения строения иероглифы можно разделить на три основных класса.

¹ Электронный ресурс — URL: <http://bkr.s.info/slovo.php?ch=%E5%8E%9F>.

Большое количество письменных знаков представляют собой идеограммы: например, знаки для изображения *человека* (人 rén), *горы* (山 shān), *колюца* (井 jǐng), *шашлыка* 串 (chuàn) для различных животных, скажем, *лошади* (馬 mǎ), *барана* (羊 yáng); либо графическое выражение пространственных отношений: точка над или под линией, означающая «*вверху*» или «*внизу*» (совр.— 上 shàng и 下 xià), разделенный диаметром пополам круг для обозначения «*середины*» (совр.— 中 zhōng) или формы предмета: *выпуклый* (凸 tū), *вогнутый* (凹 āo) и т.п. Это наиболее ранние по своему возникновению иероглифы.

Более поздние иероглифы представляют собой сочетания вышеописанных графем, созданные для обозначения понятий (в основном непредметных) путем объединения простых знаков в группы. В таких случаях смысл сложного знака часто вытекает из комбинации отдельных значений его составных частей: так, знаки *нет* (不 bù) и *прямой* (正 zhèng), поставленные вместе, означают *криво* (歪 wāi)², понятие *хорошо* (好 hǎo) передается при помощи сочетания знаков *женщина* (女 nǚ) и *ребенок* (子 zǐ) (этот же иероглиф при чтении его в четвертом тоне означает *любовь*).

Отдельная и очень интересная группа иероглифов этого класса — иероглифы, составленные из двух или трех (иногда четырех) одинаковых ключей для передачи (чаще всего) значения изобилия. Например см. таблицу.

Заметим, что в иероглифах второго класса чтение всего знака не зависит от чтения его составных частей.

Сравнительно нового происхождения — знаки, в которых одна часть сочетания, так называемая глава класса, определяет категорию понятия, к которой слово принадлежит по своему смыслу, а другая — так называемый фонетик — показывает (часто лишь приблизительно) его произношение³. 90% всех современных иероглифов относятся

² Грубе В. Китайский язык и письмо // Цивилизация. Все о Китае. М., 2001. С. 14.

³ Там же. С. 14.

火 huǒ огонь	炎 yán воспаление	焱 yàn пламя	燄 yì пожар
木 mù дерево	林 lín лес	森 sēn чаща	
石 shí камень	磊 lěi нагромождение скал		
水 shuǐ вода	淼 miǎo водная ширь		
马 mǎ лошадь	驍 biāo мчащийся табун		

и проч.

к этому третьему типу. Примером знаков такого типа могут служить иероглифы 近 — jìn — *близко* и совр. 远 — yuǎn — *далеко*, состоящие из графем 辶 — zǒu — *идти пешком* (встречающихся в обоих иероглифах) и 斤 — jīn — *топор* в первом и 元 — yuán — *глава, корень, исток* — во втором. Ни топор, ни исток не имеют отношения к понятиям расстояния. Эти графемы служат лишь фонетиками для иероглифов, в которые они включены. Иероглиф, обозначающий слог «mā» в слове *мама* — 媽 (妈) — состоит из ключей *женщина* 女 nǚ и *лошадь* 馬 (马) mǎ. Здесь элемент «*лошадь*» несет не смысловую нагрузку, а чисто фонетическую, то есть, имеется в виду не «*женщина-лошадь*», а скорее «*та женщина, которая, как и лошадь, называется «та» — мама*. Этот же фонетик — 馬 (лошадь) встречается и в иероглифе *ругаться* 骂 mǎ, при этом смысловой элемент находится сверху от *лошади*: два «*рта*» 口 kǒu. В данном случае иероглиф довольно наглядно передает как его значение, так и его чтение. Бывает и так, что фонетиком служит не ключ, а целый составной иероглиф, употребляющийся сам по себе в другом контексте. Например, фонетиком для иероглифа *жениться* — 婚 hūn — является иероглиф 昏 hūn, стоящий справа от смыслового ключа *женщина*. Он имеет свое самостоятельное значение *сходить с ума / помутнение рассудка*, и не только дает свое чтение иероглифу «*жениться*», но и наделяет его определенным значением «*сойти с ума из-за женщины*». Однако далеко не во всех иероглифах этого типа настолько точно передано чтение знака. Очень часто от фонетика иероглифу достается только финаль. Примером этому служат иероглиф 松 sōng, фонетиком у которого является иероглиф 公 gōng, или иероглиф 让 ràng с фонетиком 上 shàng.

Мы видим, что основное отличие иероглифического языка от алфавитного кроется в самом принципе письменного выражения мысли. Каждый иероглиф китайского языка — это выражение смысла некоего перцептивного образа с помощью «картинки». Иероглиф имеет смысл только как целая картинка, его смысловое значение не всегда можно вывести из аналитически расчлененной совокупности черт или графем, из которых он состоит.

Сами китайцы, осознавая эту особенность их письменных знаков, строят свою систему обучения грамоте в соответствии с возрастными особенностями детей. Поскольку известно, что в дошкольном возрасте преобладающим является правое полушарие (Семенович А. В., Цыганок А. А. 1986, Симерницкая Э. Г. 1978, Симерницкая Э. Г. 1985, Ротенберг, 2009), китайцы стараются обучить детей узнавать картинки-

иероглифы как можно раньше. В годик китайский ребенок (конечно, если с ним проводились соответствующие занятия) уже способен показать по просьбе родителей 100 и более иероглифов.

Практически все системы обучения «левополушарных» иностранцев китайскому языку базируются на изучении ключей, из которых состоят иероглифы. Студенты сразу учатся разбивать иероглифы на составляющие и «компоновать» их из частей. Это оправдано тем, что наши «левополушарные» привычки требуют разложения слова-картинки на части. Китайские дети никогда не начинают учить иероглифы с ключей. Изучение письменных знаков начинается у них с «узнавания» цельных знаков подобно тому, как мы, обучая ребенка разным видам животных, показываем ему картинку с тигром и говорим «тигр», в результате чего у него закрепляется связь слова с изображением. Такое обучение «узнаванию» иероглифов (识字) практикуется и в начальных школах Китая вплоть до 2–3 класса, а изучение составных частей иероглифа — ключей начинается только при необходимости обучения детей поиску иероглифов по словарю.

Вот один из учебников по иероглифике для учащихся младшей школы, название которого переводится примерно как «Изучение иероглифов методом непосредственного отражения» (см. рис.).

В аннотации, напечатанной на обложке, указано, что учебник предназначен для детей 5–8 лет, и основан на методе, учитывающем мощные правополушарные способности ребенка к «непосредственному отражению» (“利用儿童的强大的右脑直映能力”). Метод заключается в том, что иероглиф рисуется в виде картинка, отражающей его смысл, и по форме максимально приближенной к его графическому написанию, что позволяет учащимся запоминать и сам иероглиф, и его смысл, и фонетический эквивалент одновременно (“汉字的音、形、义都在每个字的‘字图’中”). На обложке представлены некоторые картинка-иероглифы из учебника: 飞 fēi — лететь, 笑 xiào — смеяться, 面 miàn — лапша (одно из значений), 点 diǎn — точка (изображен в виде руки, держащей кисть и рисующей точки).

В алфавитных культурах дети обучаются грамоте совершенно по-другому. Мы начинаем с изучения букв, потом учимся складывать их в слоги, слоги в слова и т.д. Обучение чтению в «левополушарных» странах начинается с 5–7 лет — возраста, когда начинается формирование левого полушария, и детский мозг уже способен справиться с пошаговыми процедурами сложения слов. До этого времени обучение ребенка чтению многие психологи и педагоги считают бесполезным и даже вредным занятием, поскольку в раннем и дошкольном возрасте превалирует правое полушарие, и лишние нагрузки на неокрепшее левое может привести к дислексии — нарушению способности к овладению навыком чтения.

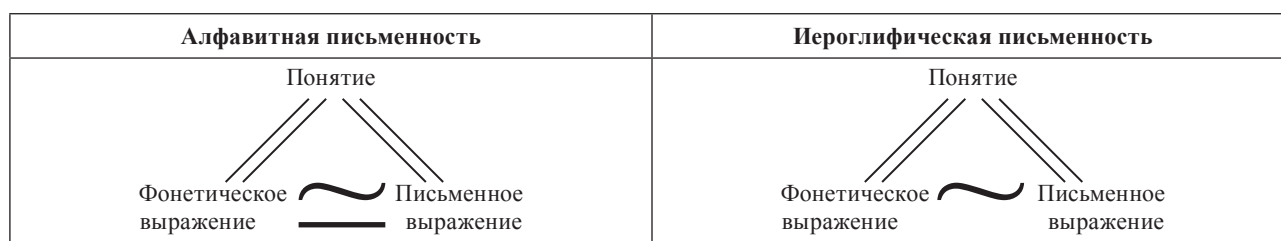
В 90-е годы в России приобрела популярность методика обучения чтению Глена Домана. Это американский физиотерапевт, работавший с детьми, имевшими различные повреждения мозга. Он разработал методику, как обучить таких детей чтению и счету. Для этого он предлагал показывать ребенку карточки с написанными словами, заставляя его запоминать целые слова в виде картинка (аналогично китайской методике «узнавания слов»). То же самое предлагалось делать с числами: на карточки наносилось различное число точек, предъявлялось ребенку, чтобы он наглядно запоминал это число точек в виде картинка. По этой методике Глен Доман обучил чтению и счету многих детей, страдавших дислексией. На основании своих достижений Глен Доман начал рекомендовать эту методику и для обучения здоровых детей чтению и счету, советуя начинать как можно раньше: с годика, «а если вы чрезвычайно целеустремленный человек,

то даже с 3-х [месяцев]»¹. Многие прогрессивные родители начали интенсивно заниматься с детьми по предложенной Доманом методике. Однако, эффект в большинстве случаев был прямо противоположным ожидаемому: в дошкольном возрасте дети действительно обгоняли своих сверстников в способности к чтению, но в школе они начинали сильно отставать. Дислексия, с которой боролся Глен Доман, работая с особыми детьми, становилась постоянным спутником здоровых детей, занимавшихся по той же методике. С. Б. Скобликова в своей книге «Заикание в вопросах и ответах» упоминает эксперимент по выявлению необходимости преподавания фонетики в младших классах: группу детей пяти-шести лет разделили пополам, причем первую подгруппу обучали чтению по методу целых слов, вторую — с помощью фонологического метода. Когда обучающиеся начали читать, их протестировали. На первом этапе лучше читали вслух и про себя ребята из первой группы. «Фонологические» же легче справлялись с незнакомыми словами и к концу второго класса перегнали своих одноклассников по уровню восприятия и богатству словарного запаса. «Целословные» дети, читая подпись под картинкой, часто заменяли слова, близкие по смыслу. Вместо «лев» могли сказать «тигр», вместо «девочка» «дети», вместо «машина» «колеса». Стремление закрепить слово за строго определенным значением приводило к тому, что за весь год обучения эти ученики так и не смогли научиться читать новые слова без чьей-либо помощи. Стало понятно, что большинству маленьких читателей фонетика нужна².

Интересен факт различной распространенности дислексии в странах с разным языком. Наиболее высок этот показатель в англоязычных странах (10–15%) и в Венесуэле (33%) [Tarnopol L., Tarnopol M., 1981]. Минимальная распространенность в Китае и Японии (1%). В основе таких межъязыковых различий лежит разная степень близости произношения и буквенного обозначения. В странах с письменностью, где фонетический принцип представлен в достаточной степени, чтением овладевают сравнительно легко (немецкий, чешский, испанский, русский языки) и дислексия

¹ Доман Г. Как научить ребенка читать или тихая нежная революция (URL: <http://читать-онлайн.рф/index.php?id=111659&pages=2>).

² Скобликова С. Б. Заикание в вопросах и ответах. М., 2011. С. 56.

встречается реже. В языках, где доминирует условная, традиционная орфография, как в английском, французском и других языках, усвоение навыка чтения — психологически более сложный процесс, и специфические нарушения чтения встречаются чаще [Neusay H., 1967; Critchley M., 1968; Matejcek Z., 1976]. В языках с иероглифическим письмом вопрос идентичности написания и произношения вообще не стоит, так как один графический образ обозначает целое слово или морфему, что значительно облегчает овладение чтением. Нагляднее всего указанные различия видны на примере Японии, где одновременно используются две системы письменности: иероглифическая и силлабическая, близкая к европейской. Среди детей, обучающихся иероглифическому письму, дислексия встречается в 1% случаев, а у тех, кто осваивает силлабическое письмо, показатели близки к европейским [Makita K., 1968]¹.

Как уже было сказано, китайские дети во 2–3-м классе школы обучаются выделять ключи из иероглифов, чтобы уметь самостоятельно находить незнакомые слова в словаре. То есть, если мы учим буквы, чтобы получить возможность прочитать (т.е. перевести письменные знаки в звуки), то китайцы учат ключи, в принципе, с той же целью, только путь извлечения звука из знака совсем другой. Выделяя в нужном иероглифе «смысловой» ключ, они получают возможность найти по нему в словаре целый иероглиф, и только тогда узнать и звучание, и значение одновременно.

Можно сказать, что соотношение самого понятия и его фонетического и письменного выражения в алфавитной культуре практически равны между собой: мы можем почти всегда успешно записать то, что слышим, и прочитать то, что написано. Если нам встречается редкое или незнакомое слово, мы все равно можем хотя бы прочитать, как оно примерно звучит. В иероглифических культурах фонетическое выражение связывается с графическим не напрямую, а через понятие, которое они оба отражают.

¹ Цит. по: Корнев А. Н. Нарушения чтения и письма у детей: Учебно-методическое пособие. СПб., 1997. С. 40.

Даже фонетические элементы, дающие чтение иероглифам третьего класса (см. выше), сами изначально являются иероглифами, а значит, их чтения соотносятся с ними по той же схеме — через понятия.

На мой взгляд, это соотношение можно выразить в следующей схеме (см. схему вверху страницы).

Достаточно слабая связь письма с фонетикой позволила, например, японцам и др. заимствовать для записи своего языка китайские иероглифы. Здесь они обозначали те же самые понятия, но читались в соответствии с местным фонетическим выражением. Это хорошо видно на японских именах: именные и фамильные иероглифы студентов из Японии, приезжающих на учебу в Китай, вписывают в китайские документы без изменения, но при этом читают уже по-китайски. Вот два примера имен таких студентов:

Иер.	江口智子	Иер.	土居真波
Яп.	Eguchi Tomoko	Яп.	Doi Manami
Кит.	Jiāng kǒu Zhì zǐ	Кит.	Tǔ jū Zhēn bō

Из-за этой же особенности китайцам (и всем, кто учит китайский язык), приходится учить иероглифы наизусть. Система традиционного начального образования в Китае строилась на заучивании наизусть основных канонов — «Сань цзы цзин» («Троесловный канон»), «Цянь цзы вэнь» («Тысячесловник»), и «Бай цзя син» («Фамилии ста семей»)². Заучивая эти каноны, ученики не только приобщались к нормам конфуцианской морали, но и значительно расширяли свой иероглифический запас.

Метод заучивания используется китайцами до сих пор: учитель читает текст предложение за предложением, весь класс хором повторяет за ним, глядя в учебник. (Следить за тем, что читает учитель, обычно легко: в китайском языке один иероглиф равен одному слогу, учитель читает, четко

² Боревская Н. Е. Педагогическая мысль и образование // Духовная культура Китая: Энциклопедия. Т. 5: Наука, техническая и военная мысль, здравоохранение и образование. М., 2009. С. 551; Кобзев А. И. Сань цзы цзин // Там же. С. 825; Кобзев А. И. Цянь цзы вэнь // Там же. С. 928.

произносятся каждый слог.) Так у учеников закрепляется связь иероглифов с их чтением и смыслом. (Обучение иностранцев китайскому языку тоже включает в себя этот прием). Заучивание текстов наизусть применяется китайцами даже при изучении иностранных языков. Преподаватели русского языка как иностранного китайцам отмечают, что по этой причине задавать им пересказ текста бесполезно: они не привыкли рассказывать своими словами, и все тексты просто заучивают¹.

Такая система обучения грамоте формирует у китайцев привычку видеть иероглиф как он есть,

水	永	去	丢	见	贝	师	帅	白	自	木	未
shuǐ	yǒng	qù	diū	jiàn	bèi	shī	shuài	bái	zì	mù	wèi
вода	вечность	идти	терять	видеть	раковина	наставник	красивый	белый	нос	дерево	не...

и т.д.

Для китайцев эта минимальная разница в написании имеет смыслообразующее значение, а значит очень важна для запоминания и для дальнейшего узнавания. Приведу еще один пример: два иероглифа 忙 máng — *занятой* и 忘 wàng — *забывать* имеют своим фонетиком один и тот же ключ 亡 wáng — *умирать*. Вторым «смысловым» ключом в обоих иероглифах является иероглиф *сердце* 心 xīn. Иероглифы отличаются лишь расстановкой ключей внутри знака: *сердце* слева, *умирать* справа — в первом случае, и *умирать* сверху, *сердце* внизу — во втором. Если запоминать их по ключам — «*сердце+умереть*» (как делают иностранцы с алфавитным типом мышления), то высока вероятность спутать один с другим при чтении либо написании. Этой ошибки легко избежать, если запоминать их образно — по внешнему виду, как это делают китайцы.

Что интересно, при изучении арабских цифр китайские дети руководствуются теми же принципами, что и при изучении иероглифов. Существуют определенные «каноны», указывающие, как нужно писать ту или иную цифру, и здесь никакие «вольномудства» тоже не приветствуются. Бросается в глаза особый характер ручного написания китайцами арабских цифр. Он практически не зависит от индивидуального почерка (см. рисунок).

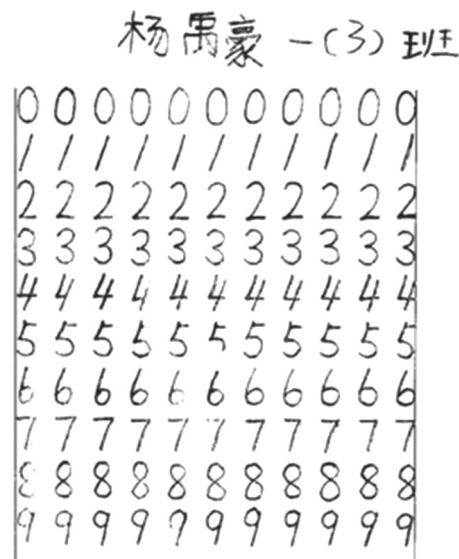
Единица пишется, как палочка, двойка без «пелюшки», у четверки две черты имеют перекрещивание, шестерка и девятка на конце не имеют крючка,

не разделяя его на части. Интересным в этой связи является такое наблюдение: когда китаец при просмотре текста видит ошибку в написании иероглифа, он обычно не говорит, в каком ключе ошибка: обычно он рисует иероглиф заново.

Итак, китайцы с детства учатся запоминать целостные образы слов своего языка. При этом им приходится запоминать и уметь различать очень много похожих между собой знаков, которые могут отличаться всего одной чертой. Лишняя точка в иероглифе может совершенно поменять его смысл. Таковыми, например, являются:

семерка пишется без горизонтальной перечеркивающей черты. Все это оказывается очень важным при общении с китайцем на бумаге. Если написать ему единицу в привычном нам виде с крючком наверху (1), он ее примет за семерку. А если добавить к такой единичке нижнюю подчеркивающую черточку (1), то и вовсе за двойку! Если семерку перечеркнуть по середине, китаец вообще не поймет, что это за знак (несмотря на то, что их иероглифическая семерка очень похожа на арабскую и пишется с поперечной чертой: 七). Таким образом, видно, что даже в написании цифр соблюдается строгое соответствие привычному образу.

Интересным моментом китайской культуры является наличие особых жестов для обозначения

¹ Скворцова Н. Н. К проблеме согласования характеристик культурно-познавательного стиля китайских студентов с требованиями, предъявляемыми к учебной деятельности // Пути Поднебесной. Вып. III. В 2 ч. Ч. 1. Минск, 2013. С. 185.

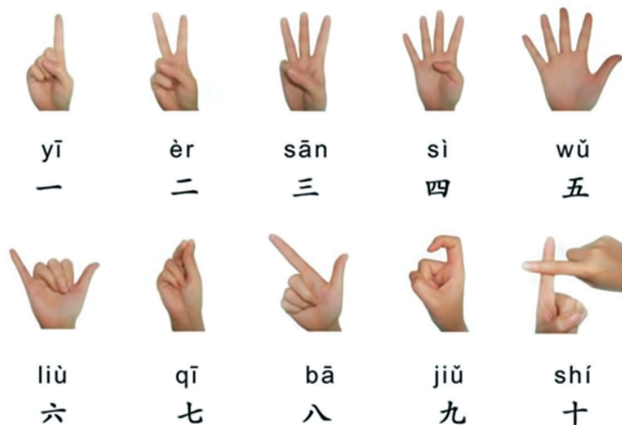

Рис. 1

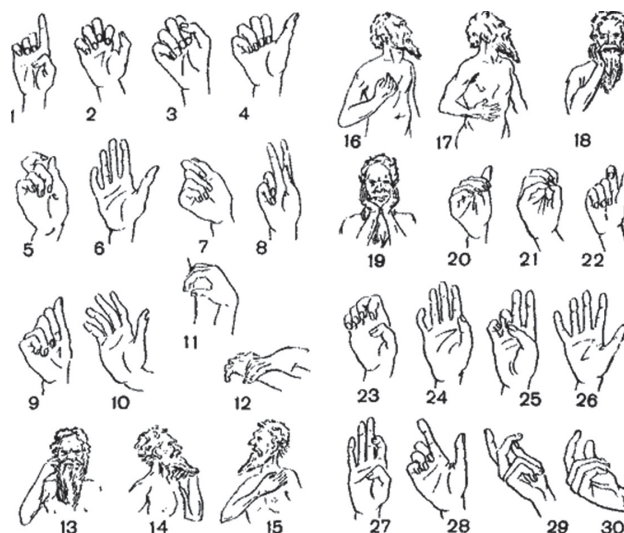

Рис. 2

цифр в пределах 10. Это не похоже на простое показывание нужного количества пальцев рук (рис. 1).

От одного до пяти идут пальцы одной руки в соответствии с количеством. *Шесть* обозначается отогнутыми от кулака мизинцем и большим пальцем. *Семь* — собранными вместе указательным, средним и большим пальцами, мизинец и безымянный сжаты в кулаке, *восемь* — отогнутые от кулака указательный и большой палец, *девять* — согнутый крючком и отогнутый из кулака указательный палец, для числа *десять* есть несколько вариантов: но чаще всего показывают перекрещенные указательные пальцы двух рук (что по виду похоже на иероглиф «десять»: 十).

Интересный факт: у австралийского племени аранта также существовала целая система жестового счета, даже более развитая, чем китайская. (рис. 2. Картинка из кн. Вяч. Вс. Иванова «Чет и Нечет».)

Счет на пальцах у всех первобытных народов предшествует числительным устного языка, что отражается и в происхождении самих числительных. Во многих языках, например в африканских (зулусский и другие языки банту), числительные обозначают только действия над пальцами рук¹.

Как отмечалось, основная часть иероглифов китайского языка репрезентирует смысл перцептивных образов (ср. 羴 biāo *мчащийся табун лошадей*). Эту же черту мышления (с опорой на цельный образ) обнаруживают не только письменность, но и семантические явления. Очень показательны в этом отношении китайские глаголы. Они обнаруживают

характерное для пространственно-образного мышления отсутствие языковой экономии при отражении смыслов перцептивных образов.

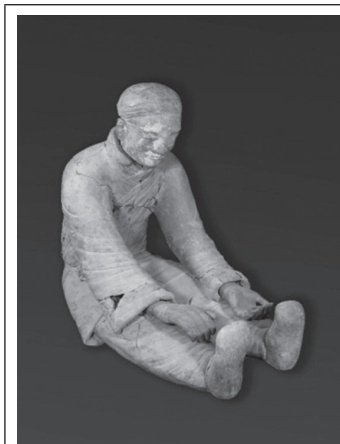
Одним из примеров может служить глагол «сидеть»: в русском языке понятия «сидеть на земле», «сидеть на корточках», «сидеть верхом», «сидеть, вытянув ноги», «сидеть по-турецки» и т.п. передаются одним и тем же глаголом «сидеть» в сочетании с уточняющим дополнением. В китайском языке все эти значения часто передаются разными глаголами. Вот примеры сидящих поз и их словесного обозначения (см. таблицу на стр. 1127).

Справедливости ради надо заметить, что «экономия» языка, характерная для левополушарного типа мышления, наблюдается уже в современном китайском языке. Некоторые из вышеперечисленных глаголов сейчас вышли из употребления. Современный вариант глагола сидеть — 坐 zuò — изначальное значение которого — *сидеть на коленях* (это традиционная поза сидения на циновке в Китае: интересно заметить, что в современном китайском языке все еще есть понятие 坐行 — букв. «сидеть+двигаться», что означает *ползти на коленях*²). Сейчас 坐 приобрело более широкий смысл и означает сидение практически в любой позе, а для обозначения видов сидения к 坐 приставляются «уточняющие» иероглифы. Например: сидеть на коленях 跪坐 guì zuò, где 跪 — *колени*, 盘腿坐 pán tuǐ zuò «тарелка+ноги+сидеть» *сидеть по-турецки* («сложив ноги тарелочкой»)³.

² Электронный ресурс — URL: <http://bkrs.info/slovo.php?ch=%E5%9D%90>.

³ Русско-китайский словарь сочетаемости слов / Под ред. Сунь Чжисян. Пекин, 2003. С. 1735.

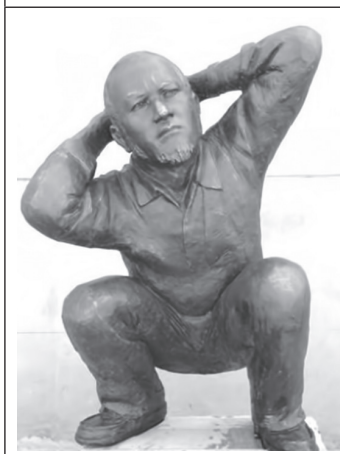
¹ Иванов Вяч.Вс. Чет и Нечет. Асимметрия мозга и знаковых систем. М., 1978. С. 65.

箕jī, (осн. значение совок), как глагол означает сидеть совком (т.е. вытянув и раздвинув ноги, напр. на циновке, что в старину считалось неприличным, противным правилу сидения с поджатыми скрещенными ногами)¹

踞jù — сидеть с подогнутыми ногами — поза, при которой стопы и ягодицы касаются земли, колени согнуты, подняты вверх (в старину считалось неприличным)²

蹲dūn сидеть на корточках

骑qí сидеть верхом (на лошади/верблюде, велосипеде/мотоцикле).

Однако понятие *сидеть верхом на мотоцикле/лошади* по-прежнему обозначается отдельным иероглифом 骑qí, а *сидеть на корточках* — по-прежнему 蹲dūn.

Понятию *лежать* соответствуют разные глаголы в зависимости от позы лежащего: если человек лежит на спине, это глагол 躺tǎng, если же лицом вниз — то 趴pā.

Интересно, что глагол *носить/нести* также переводится по-разному, в зависимости от способа или цели ношения: 带dài — *носить с собой, иметь при себе* (изнач. букв. «на поясе»), 拿ná — *нести в руке, взять в руку*, 背bèi — *нести на спине*, 提tí — *в руках, на весу* (как ведро воды), 扛káng — *на плече*, 抱bào — *на руках «в объятиях», как носят маленьких детей*, 抬tái — *вместе с кем-либо, (обычно что-то тяжелое)*, 担dān — *на коромысле*³.

¹ Электронный ресурс — URL: <http://bkrs.info/slovo.php?ch=%E7%AE%95>.

² Электронный ресурс — URL: <http://bkrs.info/slovo.php?ch=%E8%B8%9E%E5%9D%90>.

³ Электронный ресурс — URL: <http://bkrs.info/slovo.php?ch=%D0%BD%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B8>.

Помимо разделения глаголов по способу действия, в китайском языке существует также четкое разделение на две группы: глаголы, применимые только к человеку, и глаголы, применимые ко всем остальным окружающим предметам, включая животных. Например, в русском языке глаголы, обозначающие положения в пространстве — *стоять, сидеть, лежать* — можно применять и к человеку, и к животным, артефактам и природным объектам. В китайском языке глаголы *стоять zhàn* (站 — М.Р.), *сидеть zuò* (坐 — М.Р.) и *лежать tǎng* (躺 — М.Р.) закреплены исключительно за человеком. В иероглифах, означающих первые два глагола, прямо присутствует элемент *человек*. Иероглиф 躺tǎng *лежать* с детерминативом *тело* (身 — М.Р.) в крайнем случае можно употребить к «очеловеченным» домашним животным — кошкам и собакам. Канонически tǎng предполагает позу существа, лежащего на спине лицом вверх, что свойственно только человеку. Для других классов объектов разговорной речи остаются только экзистенциальные глаголы *иметься yǒu* и *находиться zài*¹.

¹ Тань Аошуан. Китайская картина мира. Язык, культура, ментальность. М., 2004. С. 18.

Из приведенных примеров видно, что в китайском языке до сих пор прослеживается стремление к конкретизации в описании перцептивных образов не за счет уточнения общего глагола с помощью дополнения, как, скажем, в русском языке (нести на спине — нести в руке, лежать ничком — лежать на спине), а за счет увеличения числа самих глаголов и их четкого разграничения по функциям. В этом можно увидеть склонность к холистическому способу обработки когнитивной информации: образ сидящего человека резко отличается от образов сидящей мухи или птицы. Поскольку в перцептивном образе субъект и предикат не дифференцированы, а соединены в единую целостную картину, то при описании разных перцептивных образов необходимо использовать разные слова.

И. П. Меркулов отмечал подобные явления как свидетельства архаического мышления. Под архаическим мышлением он понимал преимущественно пространственно-образный тип мышления, с доминированием холистической стратегии обработки когнитивной информации. Этот тип существовал как доминирующий еще до появления и развития естественного языка. «Исследования языковых систем современных первобытных популяций показывают, что естественные праязыки первобытных людей не обладали аналитически-дифференцированной грамматической структурой. Например, в языке американских индейцев племени *нутка* не воспроизводится концептуальная дихотомия между объектами и действиями, а в языке *новахо* использование конкретного словесного варианта глагола зависит от внешнего вида или формы объекта разговора (для глагола «поднять» в словосочетаниях «поднять круглый мяч», «поднять длинную и тонкую палку», «поднять лист бумаги» *нутка* используют разные звуко сочетания). Подобные примеры говорят о том, что в древнейших праязыках слова, видимо, выступали в качестве звуковых символов, обозначавших смысл перцептивных образов, представлений или сценариев, и были хорошо адаптированы к когнитивным особенностям архаического, преимущественно пространственно-образного мышления¹.

Подтверждение этому можно найти не только среди глаголов, но и среди других частей речи. Например, некоторые прилагательные китайского языка закреплены за предметами определенной формы. Пара «толстый-тонкий», применимая в русском языке в равной степени и к линиям/палкам/иголкам, и к книжкам, и к одежде (толстая куртка,

толстый свитер), и к людям (за исключением «тонкий»: здесь антонимом для понятия «толстый» будет «худой»), в китайском языке переводится совершенно по-разному в зависимости от формы описываемого предмета.

Виды предметов	Толстый	Тонкий (худой)
Плоские: одежда/книга/слой/лёд/настил/стена	厚 hòu	薄 báo
Цилиндрические: игла/палка/дерево/нога/палец/бровь	粗 cū	细 xì
Люди: человек/лицо/ребенок	胖 pàng	瘦 shòu
Животные: щука/шмель/лапа	肥 ² féi	瘦 ³ shòu

Интересно, что в английском языке также существует несколько слов для передачи понятия «толстый», в зависимости от вида предмета. Однако это членение происходит на основании дихотомии предмет — живое существо. Если слово относится к отдельно взятым предметам (слой/ковёр/палка/бровь/щеки/губы/пальцы и проч.), то используется в основном прилагательное *thick*⁴. А если нужно сказать «толстый» о человеке или свинье, то используется прилагательное *fat*. В переносном смысле можно сказать *fat* о журнале⁵.

Такой же четкой привязкой к определенным классам предметов в китайском языке обладают так называемые «счетные слова». В лингвистической синологической литературе слова также могут называться классификаторами или нумеративами. Это служебные слова, которые ставятся между числительным и существительным и служат для классификации предметов при счете. В русском языке существует нечто подобное: например, два стакана молока, одна тарелка борща, сто голов скота. В русском языке эти слова используются в основном для передачи дискретности неисчислимых объектов (молоко, скот, борщ) либо для указания единичности существительного, не имеющего единственного числа (две пары брюк, две пары ботинок).

² Сунь Чжисян. Русско-китайский словарь сочетаемости слов. Пекин, 2003. С. 1972–1973.

³ Там же. С. 1976–1977.

⁴ Электронный ресурс — URL: <http://slovari.yandex.ru/thick/en-ru/#lingvo/>.

⁵ Электронный ресурс — URL: <http://slovari.yandex.ru/fat/en-ru/#lingvo/>.

¹ Меркулов И. П. Когнитивные способности. М., 2005. С. 95.

В китайском же языке при счете *любых* предметов необходимо ставить перед существительными счетные слова. Они относят существительные к определенным классам предметов, в зависимости от внешнего признака. Например, при счете предметов, имеющих рукоятку (нож, ножницы, зонт, клещи, ключи) или спинку (стул, скамейка), необходимо использовать слово 把 *bǎ* — ручка, рукоятка. (Те. словосочетание *один стул* по-китайски будет «一把 椅子» — «одна спинка стула»). При счете плоских предметов (бумага, стол, кровать, фотография, лицо, а также раскрывающиеся и растягивающиеся предметы, например, рот) используется счетное слово 张 *zhāng*, обозначающее «лист бумаги» либо гл. «расплавлять, растягивать». При этом картина и плакат, хоть и плоские, имеют счетное слово 幅 *fú* — *полотнище*. Есть счетные слова для парных предметов, как и в русском (*пара ботинок*), и в английском (*pair of shoes*) языке. Но в китайском языке парные предметы делятся еще и по признаку «разделимости пары»: 双 *shuāng* — «разделимая пара» (как пара коньков, лыж, ботинок, палочек для еды и проч.) и «неразделимая пара» 副 *fù* — *набор, комплект* — пара очков, пара наушников. Непонятно, почему, но, тем не менее, в этом же ряду стоит и *пара перчаток*. При этом привычная нам «пара брюк» в этой группе отсутствует. Счетное слово для брюк, как и для юбок, и для других узких и длинных вещей, таких, как ленты, шарфы, ноги, дороги, реки — 条 *tiáo* — *полоска*. На полоски также считаются и рыбы и собаки. Вообще счетные слова для разных животных так же различны. Например, коровы и верблюды считаются на «головах» 头 *tóu*. Лошадь — на 匹 *pǐ* — *штука, кусок*, что также используется для счета отрезков тканей. Кошка, волк, тигр, лиса, курица, голубь и др. требуют счетного слова 只 *zhǐ* — *животное* (обычно дикое).

Существует и обратный пример, когда в китайском языке одно общее «счетное слово» для всех видов предметов, независимо от их вида, а в русском для каждого вида свое: когда речь идет о группе предметов. В китайском языке обычно используется одно и то же счетное слово — 群 *qún* — *группа*. В русском это может быть и *стадо*, и *табун*, и *отара*, и *стая*, и *рой*, и *косяк (рыб)*; и *толпа*, *скопище (людей)*; и *группа*, *множество (напр. математических величин)*¹; и даже *архипелаг (группа островов)*.

Подобное явление (не связанное со счетом) присутствует в некоторых языках современных

первобытных популяций. Например, в атапаскских языках (группе индейских языков Северной Америки, входящих в семью на-дене) существует лексическое противопоставление действий и состояний в зависимости от внешних признаков их референтов (т.н. классификационные глаголы). Число лексем, участвующих в таком противопоставлении, достигает 12, ср. глаголы со значением «быть» в навахо: -*tá* (о длинных предметах),— *tí* (об одушевленных),— *níl* (о совокупности мелких предметов),— *ká* (о вместилищах вместе с содержимым),— *žóód* (о громоздких предметах) и др.². В языке австралийских аборигенов — дьирбал также очень выражены классификации предметов по неким признакам. Говорящий на языке дьирбал перед каждым существительным в предложении должен употребить какую-либо из форм одного из следующих четырех слов: *bau i* ((*человеческие*) *особи мужского пола; животные*), *balan* ((*человеческие*) *особи женского пола; вода; огонь; битва*), *balam* (*вегетарианская пища*), *bala* (*все существительные, не вошедшие в три первых класса*). С помощью этих слов классифицируются все предметы окружающего мира. Поэтому, чтобы правильно говорить на этом языке, нужно употреблять перед каждым существительным соответствующий классификатор³.

Лакофф отмечает, что эта сложная классификация, присутствовала в языке дьирбал еще в 1960-е годы, когда англоязычная культура имела еще не слишком сильное влияние на коренное население Австралии. Исследования Анетты Шмидт, проведенные в 1980-х годах, показали заметное упрощение категориальной системы в языке молодых носителей дьирбала, с детства учащих в англоязычных школах, в частности, сокращение количества классификаторов до 3х: мужчины — женщины — все остальное⁴.

Этот пример лишний раз показывает, что языковая среда действительно оказывает определенное влияние на мышление и формирование картины мира носителей данного языка. Вполне вероятно подобное явление будет наблюдаться в ближайшие 40–50 лет и в Китае по двум причинам. Первая — это появление латинской транскрипции китайского языка — пиньинь и распространение пользования компьютерами, телефонами и проч., где программы

² Алексеев М. Е. Атапаскские языки // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 50–51.

³ Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. М., 1988. С. 12.

⁴ Там же. С. 19.

¹ Электронный ресурс — URL: <http://bkrs.info/slovo.php?ch=%E7%BE%A4>.

ввода иероглифов основываются на пиньинь. И вторая — раннее обучение детей английскому языку: в том возрасте, когда свои иероглифы они учатся еще только узнавать, по-английски они уже учатся и читать и писать.

Склонность к пространственно-образному мышлению проявилась не только в иероглифической системе письма, но и, например, в системе обучения умножению в школе (она развита и в Китае, и в Японии). Подобно тому, как дети в алфавитных культурах обучаются складывать сначала на пальцах, потом на палочках, японские и китайские дети точно так же на «палочках» учатся умножать:

Вот пример умножения двузначных чисел 13x12: рисуются черты, количество которых соответствует количеству десятков и единиц в каждом числе. Вертикальные черты символизируют 12,

горизонтальные — 13. Теперь все, что нужно сделать — это посчитать количество перекрещиваний между чертами, соблюдая порядок: там, где перекрещиваются единицы с единицами, остаются единицы, на месте перекрещивания единиц с десятками стоят десятки, перекрещивание десятков рождает сотни. (Если количество единиц превышает 10, то работает правило «3 пишем, 2 в уме»). Таким образом, очень наглядно видно, как получается число 156 при умножении 13 на 12. Этим же способом можно умножать и трехзначные числа, и четырехзначные, и т.д.

Склонность к целостному восприятию объектов окружающего мира у китайцев видна не только в письменности и грамматике, но и в фонологии. Примечательно, что изучать фонетику собственного языка китайцы начали лишь под определенным воздействием буддизма, принесшего с собой из Индии интерес к звучащей речи и соответственно к поэзии, рифме, мелодике и тону, а также знание принципов индийского алфавитно-слогового письма. Труды по фонетике выполнялись в духе лексикографических традиций. Таковы словари рифм как наиболее обычного вида начальных сочинений по фонетике: «Шэн лэй» Ли Дэна, «Юнь цзи» Люй Цзина (V в.), многократно впоследствии переиздававшийся, дополнявшийся и комментированный «Це юнь» Лу Фаяня (601). Во II–III вв. чтение иероглифов (и слогоморфем) начинает передаваться методом «разрезания» слогоморфем на инициалы и финалы

(рифмы). С V в. появляются опыты изучения тонов. Значительно позднее проявляется интерес к начальным согласным (инициалам) и их классификации (по артикуляторному принципу).

Как развитая, самостоятельная наука фонетика утверждается с появлением фонетических таблиц, включающих сведения о рифме, инициалах, промежуточных гласных и тонах («Юнь цзин», предположительно X в.)¹.

Интересно, что даже после знакомства с буддийской алфавитной системой, китайцы не проводили аналитический разбор звукового состава слога так, как это делали индийцы. В традиционной китайской филологии слог-морфему делили на инициалы (шен-му) и рифмы или финалы (юнь-му). Этот финальный комплекс обозначался целым иероглифом, имеющим соответствующую финаль. Для упорядочивания иероглифов по чтению составлялись таблицы со сложной системой классификации инициалей по месту артикуляции, фонации, тону, где в верхней строке были расписаны все возможные виды инициалей, в левом столбце — все возможные «рифмы», также записанные в виде иероглифа, и в ячейке, на которой пересекались инициаль с рифмой, записывался иероглиф, имеющий соответствующее чтение. Если такого слога в китайском языке не было, то на месте соответствующего перекрещивания ставился ноль². Таким образом, были наглядно представлены все варианты слогов и все варианты удачно рифмующихся между собой иероглифов.

Классический китайский стих люйши, полностью опиравшийся на эти словари рифм, имел особые каноны написания. При составлении этих канонов родоначальник классического стиха люйши Шэнь Юэ, доведший теорию музыкального звучания стиха до уровня законченной системы, руководствовался исключительно эстетическими принципами. Стих должен был прежде всего *смотреться* красиво: правила чередования тонов, чередования рифм, длины и тонирования строк были строго расписаны, и отступление от них порождало «некрасивые» стихи³. В стихах известного китайского поэта времен династии Тан — Ли Бо встречаются метафорические приемы, понятные только при визуальном прочтении стиха. Например, в строке 狂风吹古月...

¹ Сусов И.П. История языкознания. М., 2006. С. 4.

² Таблица рифм (URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A2%D0%B0%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D1%86%D0%B0_%D1%80%D0%B8%D1%84%D0%BC).

³ Электронный ресурс — URL: http://iling-ran.ru/library/misc/dreyzis_report.pdf.

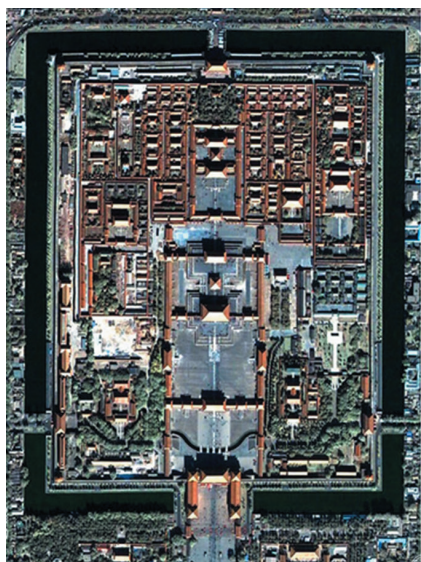

Рис. 3

(«безумный+ветер+сдувает+древню+луну») последние два иероглифа по отдельности означают «древняя+луна». Однако существует иероглиф, в котором эти два знака стоят рядом: 胡 (hú) — это название северных иноплеменников (сюнну, монголов, тюрков), живших у границ Китая. Таким образом, читающий понимает, что лирический герой, автор строк находится в чужих враждебных краях, и луна светит в холодном чужом небе.

Нельзя не привести в пример и влияние иероглифического видения мира на архитектурные решения. Оно проявилось, в частности, при постройке императорского дворца Гугун в Пекине (рис. 3).

Дворец имеет форму правильного прямоугольника, вытянутого с севера на юг. На его территории (по крайней мере, на той ее части, которая предназначена для проживания императора и членов его семьи) нельзя увидеть ни одного дерева: вся поверхность земли выложена брусчаткой. Это кажется странным для китайцев, склонных к созерцанию природы и растительности. Дело, вероятно, в том, что в китайском языке существует иероглиф, состоящий из графем «дерево» и квадратной «ограды», опоясывающей его (囿). Он означает «безвыходность», «осажденное положение». Прямоугольная форма Дворца напоминает ключ «ограда», и деревья, посаженные внутри этой «ограды», несли бы плохое предзнаменование императору Поднебесной, сыну Неба. Чтобы избежать воплощения в реальность данного иероглифа, создатели дворца предпочли не сажать на его территории деревья и заложить все камнем, чтобы деревья не выросли сами. А для

囿

福

喜+喜

Рис. 4

отдыха и культурных развлечений императора в северной части Дворца был специально сооружен сад Юйхуаюань.

Многозначность и смысловая наполненность письменного знака позволяет китайцам использовать иероглифы и как символы: например, вешать перевернутый иероглиф 福 на двери (что по-китайски называется 福倒了 fú dào le — счастье перевернулось, и созвучно с фразой 福到了 fú dào le — счастье пришло), или сдвоенный иероглиф «радость» (喜) на свадьбе, что символизирует одновременно и неразрывность молодоженов, и пожелание радости, любви и счастья (рис. 4).

Идеографический характер иероглифов позволяет молодежи использовать их и при общении в чатах. Например, иероглиф 囿 jǐōng, обозначающий «свет, проникающий через окно», также используется в качестве смайлика, изображающего удивленное лицо¹; а иероглиф 凸 — выпуклый — вместо смайлика «средний палец»². Эта черта отношения китайцев к письменному знаку как к картинке, по-видимому, также идет от «пространственно-образного» видения мира.

Мы рассмотрели лишь некоторые особенности китайской культуры и языка, связанных с пространственно-образным типом мышления, однако они отчетливо демонстрируют ориентацию китайцев на «правополушарные» способности, холистическое восприятие окружающего мира, которому не свойственно выделение части из целого. На фоне этого вполне разумным кажется вывод о том, что и идея атомизма была для китайцев чужда, как и, скажем, идея алфавита, также рожденная левополушарным типом мышления.

¹ Электронный ресурс — URL: <http://bkrs.info/slovo.php?ch=%E5%9B%A7>.

² Электронный ресурс — URL: <http://bkrs.info/slovo.php?ch=%E5%87%B8>.

Список литературы:

1. Алексеев М. Е. Атапасские языки // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 50–51.
2. Брескин В. Ю. Триада: Метод изучения сущности семиотического единства языка и искусства // NB: Философские исследования. 2012. № 3. С. 119–159. (DOI: 10.7256/2306-0174.2012.3.19. URL: http://www.e-notabene.ru/fr/article_19.html).
3. Грубе В. Китайский язык и письмо // Цивилизация. Все о Китае. М., 2001. С. 11–22.
4. Доман Г. Как научить ребенка читать или тихая нежная революция (URL: <http://читать-онлайн.рф/index.php?id=111659&pages=2>).
5. Духовная культура Китая: Энциклопедия. Т. 5: Наука, техническая и военная мысль, здравоохранение и образование. М.: Восточная литература, 2009.
6. Кобзев А. И. Китай и взаимосвязи иероглифики с континуализмом, а алфавита с атомизмом // Общество и государство в Китае: XLI научная конференция / Ин-т востоковедения РАН. М.: Вост. лит., 2011. С. 314–325.
7. Корнев А. Н. Нарушения чтения и письма у детей: Учебно-методическое пособие. СПб.: МиМ, 1997.
8. Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. Сост. и ред.: В. В. Петров, В. И. Герасимов. М.: Прогресс, 1988. Вып. XXIII. С. 12–51.
9. Меркулов И. П. Когнитивные способности. М., 2005.
10. Ротенберг В. С. Межполушарная асимметрия, ее функция и онтогенез // Руководство по функциональной межполушарной асимметрии. М.: Научный мир, 2009. (URL: <http://www.cerebral-asymmetry.ru/6.Rotenberg.pdf>).
11. Семенович А. В., Цыганок А. А. Нейропсихологический подход к типологии онтогенеза // Нейропсихологический анализ межполушарной асимметрии мозга. М.: Наука, 1986.
12. Симерницкая Э. Г. Доминантность полушарий / Под ред. А. Р. Лурия. М.: Изд-во МГУ, 1978.
13. Симерницкая Э. Г. Мозг человека и психические процессы в онтогенезе. М.: Изд-во МГУ, 1985.
14. Скворцова Н. Н. К проблеме согласования характеристик культурно-познавательного стиля китайских студентов с требованиями, предъявляемыми к учебной деятельности // Пути Поднебесной: сб. науч. тр. Вып. III. В 2 ч. Ч. 1 / Отв. ред. А. Н. Гордей. Минск: РИВШ, 2013. С. 184–188.
15. Сунь Чжисян. Русско-китайский словарь сочетаемости слов. Пекин, 2003.
16. Сусов И. П. История языкознания. М.: Восток-Запад, 2006.
17. Фасхутдинова Ю. Ф. К вопросу о развитии когнитивных способностей у детей с ЗПР // NB: Психология и психотехника. 2013. № 5. С. 24–45. (URL: http://www.e-notabene.ru/psp/article_9135.html).
18. Фасхутдинова Ю. Ф. Мотивация и развитие когнитивных способностей у школьников // NB: Педагогика и просвещение. 2013. № 1. С. 140–154. (URL: http://www.e-notabene.ru/pp/article_5113.html).

References (transliteration):

1. Alekseev M. E. Atapasskii yazyki // Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar» / Gl. red. V. N. Yartseva. M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1990. S. 50–51.
2. Breskin V. Yu. Triada: Metod izucheniya sushchnosti semioticheskogo edinstva yazyka i iskusstva // NB: Filosofskie issledovaniya. 2012. № 3. С. 119–159. (DOI: 10.7256/2306-0174.2012.3.19. URL: http://www.e-notabene.ru/fr/article_19.html).
3. Grube V. Kitaiskii yazyk i pis'mo // Tsivilizatsiya. Vse o Kitae. M., 2001. S. 11–22.
4. Doman G. Kak nauchit» rebenka chitat» ili tikhaya nezhnaya revolyutsiya (URL: <http://chitat'-onlain.rf/index.php?id=111659&pages=2>).
5. Dukhovnaya kul'tura Kitaya: Entsiklopediya. T. 5: Nauka, tekhnicheskaya i voennaya mysl», zdравookhranenie i obrazovanie. M.: Vostochnaya literatura, 2009.
6. Kobzev A. I. Kitai i vzaimosvyazi ieroglifiki s kontinualizmom, a alfavita s atomizmom // Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae: XLI nauchnaya konferentsiya / In-t vostokovedeniya RAN. M.: Vost. lit., 2011. S. 314–325.
7. Kornev A. N. Narusheniya chteniya i pis'ma u detei: Uchebno-metodicheskoe posobie. SPb.: MiM, 1997.

8. Lakoff Dzh. Myshlenie v zerkale klassifikatorov // *Novoe v zarubezhnoi lingvistike*. Sost. i red.: V. V. Petrov, V. I. Gerasimov. M.: Progress, 1988. Vyp. XXIII. S. 12–51.
9. Merkulov I. P. *Kognitivnye sposobnosti*. M., 2005.
10. Rotenberg V. S. *Mezhpolusharnaya asimmetriya, ee funktsiya i ontogenez* // *Rukovodstvo po funktsional'noi mezhpolusharnoi asimmetrii*. M.: Nauchnyi mir, 2009. (URL: <http://www.cerebral-asymmetry.ru/6.Rotenberg.pdf>).
11. Semenovich A. V., Tsyganok A. A. *Neiropsikhologicheskii podkhod k tipologii ontogeneza* // *Neiropsikhologicheskii analiz mezhpolusharnoi asimmetrii mozga*. M.: Nauka, 1986.
12. Simernitskaya E. G. *Dominantnost» polusharii* / Pod red. A. R. Luriya. M.: Izd-vo MGU, 1978.
13. Simernitskaya E. G. *Mozg cheloveka i psikhicheskie protsessy v ontogeneze*. M.: Izd-vo MGU, 1985.
14. Skvortsova N. N. *K probleme soglasovaniya kharakteristik kul'turno-poznavatel'nogo stilya kitaiskikh studentov s trebovaniyami, pred'yavlyaemymi k uchebnoi deyatel'nosti* // *Puti Podnebesnoi: sb. nauch. tr. Vyp. III. V 2 ch. Ch. 1* / Otv. red. A. N. Gordei. Minsk: RIVSh, 2013. S. 184–188.
15. Sun» *Chzhisyan. Russko-kitaiskii slovar» sochetaemosti slov*. Pekin, 2003.
16. Susov I. P. *Istoriya yazykoznaneya*. M.: Vostok-Zapad, 2006.
17. Faskhutdinova Yu. F. *K voprosu o razvitii kognitivnykh sposobnostei u detei s ZPR* // *NB: Psikhologiya i psikhotekhnika*. 2013. № 5. С. 24–45. (URL: http://www.e-notabene.ru/psp/article_9135.html).
18. Faskhutdinova Yu. F. *Motivatsiya i razvitie kognitivnykh sposobnostei u shkol'nikov* // *NB: Pedagogika i prosveshchenie*. 2013. № 1. С. 140–154. (URL: http://www.e-notabene.ru/pp/article_5113.html).